

турные особенности людей. Данная соматическая лексика является одной из интересных лексико-семантических групп исследуемого языка.

Широкое употребление соматизмов в составе фразеологических единиц в значительной степени обусловлено тем, что соматизмы входят в ядро основного состава словарного фонда языка. Проанализировав ряд соматизмов в историческом и этимологическом аспекте, можем выделить несколько групп:

- исходные словосочетания называют жесты и телодвижения;
- исходные словосочетания называют мимику;
- происхождение связано с различными физиологическими ощущениями;
- прототипы описывают обычаи, обряды, символические действия, суеверные представления.

Наибольшую группу составляют общеупотребительные фразеологические единицы с достаточной образностью и экспрессивностью. Вышеописанные фразеологизмы широко представлены во фразеологии любого языка. Среди них достаточно много полных эквивалентов, однако существуют и безэквивалентные единицы, которые требуют особого подхода и приемов семантизации. Таким образом, в ходе анализа семантической составляющей соматических фразеологизмов можно выделить сферу их употребления и раскрыть образные основы идиоматического выражения.

Н.А. ТАРАСЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина (Беларусь)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД «ВРЕМЕНА ГОДА» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Тесная взаимосвязь языка и культуры отмечалась и характеризовалась еще в трудах В. фон Гумбольдта. Его тезис о том, что язык воплощает в себе «дух народа», получил дальнейшее развитие и детальное теоретическое обоснование в трудах И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, А.А. Потебни, Э. Сепира, Б. Уорфа и других этнолингвистов, а во второй половине XX в. – в трудах по лингвострановедению (Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин, В.В. Ощепкова, С.Г. Тер-Минасова); социолингвистике (Н.Б. Мечковская, Т.М. Дридзе, М.А.К. Halliday, M. Douglas и др.); лингвокультурологии (В.А. Маслова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Д.О. Добровольский и др.).

Столь активная разработка этой проблемы обусловлена бурным развитием интеграционных процессов в мире в конце XX – начале XXI ст. Сближе-

ние культур протекает не в русле их взаимной ассимиляции и унификации (как это имело место в прежние времена), а в плане взаимного обогащения при сохранении их содержательного богатства, ценности и своеобразия. Эта гуманистическая тенденция вызывает необходимость углубления межкультурного взаимопонимания путем освоения «духа» других культур. Освоение языков должно происходить в тесном взаимодействии с проникновением в те культуры, в чей состав интегрированы эти языки.

Соотношение языка и культуры в семиотическом аспекте предполагает, что культура представляет собой многогранный феномен, который стал объектом теоретического осмысления, начиная еще с античных времен, но наибольшие результаты в этой области были достигнуты в XX в. Культура стала исследоваться с позиций истории, обществознания, филологических наук, антропологии, искусствоведения, логики, семиотики, теории информации и даже кибернетики. Возникла и выделилась в самостоятельную отрасль комплексная дисциплина – *культурология*. Если в XIX в. во главе угла стоял *социологический* взгляд на закономерности исторического развития человечества, то в XX в. *культурологический* взгляд стал равноправен ему; культурные факторы начали рассматриваться наряду с социальными.

Одним из ведущих направлений в исследовании сущности феномена человеческой культуры стало изучение ее знакового аспекта. Это направление, представленное, в первую очередь, именами К. Леви-Стросса, Р. Барта, У. Эко, Ю.М. Лотмана, получило наименование *семиотики культуры*.

Культура представляет собой знаковую систему, определенным образом организованную. Именно момент организации, проявляющейся как некоторая сумма правил, ограничений, наложенных на систему, выступает в качестве определяющего признака культуры. К. Леви-Стросс, определяя понятие культуры, подчеркнул: там, где Правила, начинается Культура. По мнению автора, Культуре противостоит Природа. Взгляд на культуру как на подчиненную структурным правилам знаковую систему позволяет рассматривать ее как *язык* в широком, обобщенном значении этого термина.

Наряду с понятием «знак», одной из основополагающих категорий семиотики является «код». Термин *код* – синоним термина *язык* в широком семиотическом смысле, но не абсолютный, а идеографический. Он обладает семантической спецификой по сравнению с термином *язык*. С точки зрения теории кодов культура предстает как упорядоченная совокупность кодов. Согласно одному из общепринятых определений культуры, она представляет собой комплекс программ человеческого поведения (предметно-практического и вербально-теоретического). Однако всякая программа, будучи информационной системой, неизбежно предполагает наличие знакового носителя.

Естественный язык является основной (первичной) знаковой системой, образующей культуру. Культура – поликодовая знаковая система, но естественный язык обладает преимуществами перед другими кодами в плане обеспечения мышления и общения благодаря его универсальности, стабильности, гибкости, способности к непрестанному совершенствованию и богатству изобразительно-выразительных средств, что способствует оперативной и эффективной обработке информации. Наряду с естественным языком, людьми используется ряд невербальных кодов, носящих образный характер. Ю.М. Лотман называл их *образными кодами*. Сюда относятся входящие в культуру образные системы, выполняющие аллегорико-символическую функцию.

Образ как единица первой сигнальной системы, т. е. как единица чувственного восприятия, превращается в *знак* и единицу второй сигнальной системы после того, как становится «не равным самому себе». В этих случаях образ переходит в «область инобытия». Образный код культуры – это система входящих в данную культуру кодифицированных образов, служащих знаками (символами) тех или иных явлений бытия. Такие знаковые подсистемы называются культурными кодами.

В качестве культурного кода может выступать любая чувственно воспринимаемая область действительности: ландшафты, явления природы, флора, фауна, артефакты, т. е. создания человеческих рук (орудия труда, жилища, хозяйственная утварь, одежда, оружие и т. п.). Все это – «языки», с помощью которых люди общаются друг с другом. Будучи средоточием этнокультуры, этноязык вбирает в себя многие элементы предметно-культурных кодов. Происходит *экспансия* культурных кодов в этноязык. Образы сменяют субстанцию плана выражения и из натуральной формы существования переходят в естественно-языковую. Невербальные культурные коды, обретая словесную форму, становятся лингвокультурными.

Таким образом, если код представляет собой знаковую систему, а культурный код – образную систему культуры, рассматриваемую в ее знаковом аспекте, то лингвокультурный код – это культурный код, получивший естественно-языковое воплощение.

В сфере духовного производства, переходя из материальной в идеальную форму существования, приобретая образный характер, в качестве культурного кода может выступать практически любая сенсорно воспринимаемая область действительности: небесные тела, явления природы, растения, животные, тело человека, орудия хозяйственного обихода, техника, оружие и т. д. Внутренняя логика каждой такой образной сферы и ее связь с другими сферами обуславливают характер ее символического содержания.

Словесный образ всегда указывает на какую-либо область инобытия. Он выражает не то, чем является сам. Образ всегда представляет собой иносказание. К числу средств, репрезентирующих словесный образ, прежде всего, относятся тропические средства (метафора, метонимия, аллегория, сравнение и др.).

В современной лингвистике актуальны вопросы о том, как язык связан с обществом, культурой и психологией человека, как социосемиотические и социокультурные факторы определяют порождение речи, каким образом невербальные культурные коды взаимодействуют с естественным языком.

Язык представляет собой хранилище знаний о мире в рамках этнокультуры. Хотя на каждом этноязыке можно говорить о других этнокультурах, все же каждый язык, в первую очередь, предназначен для информационного обеспечения и регуляции процессов *родной ему* культуры. Чтобы правильно понимать речь на изучаемом языке, требуется четко осознавать этноспецифику его единиц как в понятийном, так и в ценностном аспекте, и кроме того, располагать фоновыми знаниями, без которых невозможно понимать высказывания и тексты, апеллирующие к этим знаниям.

Соотношение лингвокультурного концепта, лексического значения и концептуального поля представляет собой довольно сложный комплекс. Например, лингвокультурный код «Времена года» в современном английском языке выделяется на основе ряда принципов: 1) система сенсорных образов, входящих в тематическую область «Времена года», является лингвокультурным кодом; 2) этот код универсален в том смысле, что он входит в состав любой этнокультуры и выражает разнообразные сферы бытия; 3) он носит символический характер; 4) он выступает как субкод по отношению к лингвокультурному коду «Природа»; 5) план выражения и план содержания у него противопоставлены по линиям «естественное :: искусственное», «сельское :: городское», «природное :: цивилизованное», «материальное :: духовное», «внешнее :: внутреннее», «конкретное :: абстрактное», «чувственно-наглядное :: умозрительное».

Например, существительное *spring* в английском языке образовано по конверсии от глагола *to spring*, означающего *to leap, jump, move rapidly or suddenly, recoil, arise, appear, shoot up or forth, release, result, crack, split, emerge, come into being, rouse, cause to burst, etc.* Основные семы, входящие в состав концепта *spring*, – это [внезапное возникновение (рождение), быстрое движение вверх (скорый рост), резкое разгибание, высвобождение, взрыв и т. п.]; в глазах англичан весна связана, прежде всего, с рождением, распусканием (листьев, почек, цветов), интенсивным ростом (растений), стремлением вверх, взрывным развитием.

Внешние приметы весны обозначены следующими единицами: *ice-drift* – ледоход, *snow-melting* – таяние снегов, *spring-tide* – половодье, *flower* – цветок, *bloom/blossom* – (яблоневого и т. п.) цвет, *florescence* – время/состояние цветения, *efflorescence* – расцветание и др. Все вместе они образуют яркий, мажорный «пейзаж» весеннего пробуждения и обновления природы северного полушария.

К обозначениям «весенняя активность людей» относятся номинативные единицы *spring-cleaning*, *gardening*, *planting*, *bustle*, *fun-making*, *singing*, *playing*, *picnicking*, *making holiday*, *follies*. Здесь представлены трудовая деятельность и активное проведение досуга, носящие сезонный характер, соответствующие данному времени года.

Что касается чувственного восприятия весны, имеются слова, относящиеся к разным каналам сенсорной перцепции.

Зрительный канал: *clear/clean*, *transparent*, *(light-)green* (цвет травы, молодых листьев, побегов), *yellow* (цвет примулы, нарцисса, лютика, солнца), *light*, *bright*, *sunlight*. Преобладают яркие, прозрачные, чистые и светлые тона.

Слуховой канал: *song*, *anthem*, *sonata*, *rustle*, *hum*, *thunder*. Слова передают звуки, издаваемые птицами, растениями, погодными явлениями, что вызывает ощущение симфонии весны.

Обонятельный канал: *scent*, *aroma*, *fragrance* (приятные запахи).

Другие каналы: *smooth*, *wet*, *moist*, *warm*, *soft*, *tender*, *cool*, *raw*, *fresh*, *ticklish*. В своей совокупности это соответствует ощущениям человека, который под припекающим солнцем сменил теплую одежду, радуется первой траве: гладкой и одновременно шершавой, мягкой, влажной, сырой.

Эмоциональное состояние человека, характерное для весны, представлено следующим списком: *yearning* – томление, *faintness* – вялость, *dizziness* – головокружение, *fever* – возбуждение, *happiness* – счастье, *joy* – радость, *hilarity* – приподнятое настроение, *mirth/fun* – веселье, *excitement* – волнение и др. Преобладают стенические, мажорные переживания, стимулирующие активность человека, но встречаются и астенические, вызванные, вероятно, весенним недомоганием (*yearning*, *faintness*, *dizziness*).

В символическом плане концепт **spring** обладает глубоким смыслом. Будучи частью годового цикла, весна выражает начало, исходный период какого-либо другого цикла – жизни (*the spring of life*), любви (*the spring of love*), исторической эпохи (*the spring of Renaissance*), а также иницирующее событие (*the spring of the Revolution*), физический и душевный расцвет, вхождение во взрослую пору жизни (*springal* – юнец, *maid in her spring* – девушка в расцвете юности). Это основная, ключевая единица английского лингвокультурного кода «Весна», имеющая ряд четко определенных символических смыслов и легко декодируемая в текстах разных авторов. Сим-

волика английского образного кода «Весна» в целом носит ярко выраженный поэтический характер.

Символика цветения, прочно ассоциируемого с весенней порой, раскрывается с помощью существительного *flower* посредством фигурального значения «расцвет сил, лет, карьеры и т. п.» (*in the flower of life/one's age/one's career, etc.*), «избранное, эксклюзив, наилучшее воплощение» (*the flower of the nation/society*), «орнаментальная фраза, фигура речи» (*the flowers of speech*). Кроме того, имя существительное *flower* имеет значение «сущность, квинтэссенция» (*the flower of the matter*). Глагол *to flower* используется в переносном значении «благоухать свежестью, юностью, красотой» (*to flower like a rose in May*).

Идиоматические обороты содержат лексемы в фигуральных значениях: *the Pierian spring* – вдохновение, *a bud of promise* – дебютант, восходящая звезда, *to crush/nip in the bud* – подавить на начальной стадии развития и др. Такие обороты представляют собой результат развертывания образов, которые входят в план содержания отдельных слов, ассоциируемых с весной.

Цветовая гамма весны в английской лингвокультуре – зелено-бело-желтая, тогда как в русской лингвокультуре она, в первую очередь, красная.

В целом английский образ весны сформирован в значительной мере на основе богатого внутреннего ассоциативного поля значения «весна» в рамках семантической структуры многозначного слова *spring*.

Таким образом, в английском лингвокультурном коде «Времена года» концепт **spring** передаёт мажорные ноты (коннотации [бурная], [стремительная], [животворящая] и т. п.), в отличие от русского, в котором отчетливо выражена лирическая тональность (коннотации [женственная], [нежная], [мечтательная]).

А.Г. ТОРЖОК, А.С. ХАНЕНЯ, А.А. ЩЕРБО

Минск, БГУ (Беларусь)

О РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Древнеанглийский язык – особый период в формировании современного английского языка, период образования первого стандартного английского языка (*West-Saxon – first Standard English*), полностью исчезнувшего после нормандского завоевания Британии [1, с. 34]. Лексика этого первого стандартного языка Британии изобиловала словами, максимально схожими с русскими, например: ‘люди’ – *leode*, ‘мёд’ – *medu*, ‘ацет’ (диалект. «уксус») – *aket*, ‘лекарь’ – *loece*, ‘бор’ – *bearo*, ‘дол’ – *dael*, ‘глотать’ – *gloton*,